
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Институт искусств и культуры
Кафедра музеологии,
культурного и природного наследия

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Издательство
Томского университета
2019

Н.М. ЯДРИНЦЕВ О ПОЕЗДКЕ ПО ВОСТОЧНЫМ ТЕРРИТОРИЯМ РОССИИ ДЛЯ ОБОЗРЕНИЯ МУЗЕЕВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) широко известен как общественный деятель, идеолог сибирского областничества, издатель и редактор газеты «Восточное обозрение», в которой впервые были сформулированы и освещались экономические, социальные, культурные проблемы развития Сибири. Ядринцев выступал как исследователь Сибири, рассматривал историю края в публицистических и научных трудах, занимался археологическими раскопками. В 1889 и 1891 гг. участвовал в экспедиции в верховья р. Орхон в Монголии, где были открыты и обследованы развалины Каракорума, древней столицы Чингис-хана. Результаты раскопок были обнародованы в «Известиях Императорского Русского географического общества» (1890), на заседаниях Парижского географического общества и на Международном Московском конгрессе исторической археологии и антропологии.

Во время поездки по городам азиатской части России, об итогах которой он докладывал в Императорском Русском археологическом обществе в 1879 г., Н.М. Ядринцев встречался с сибирскими археологами, коллекционерами и музейщиками, выказал глубокую заинтересованность в научном освоении восточных окраин и подготовил первый по времени разработки обзор музейной жизни Сибири, выразил свое понимание роли музеев как центров собирания, сохранения и изучения памятников истории и археологии.

Н.М. Дмитриенко

Приступая к докладу моему в Императорском [Русском] Археологическом обществе о летней поездке своей на восток до Иркутска, во время которой произведен мною осмотр археологических работ и коллекций, я должен сказать, что поручение Императорской археологической комиссии совпало с моим собственным планом и намерением осмотреть древности, памятники и курганы в Западной и Восточной Сибири, для той этнографической и археологической работы по истории древней и новой культуры сибирских инородцев, которую я веду уже несколько лет. Я имел в виду также сравнить типы могильников и древности Восточной Сибири с могильниками Западной Сибири, которые я ранее видел, а также отыскать связь и сходство алтайских древностей с уральскими, пермскими и болгарскими древностями, для чего я останавливался в Перми, Екатеринбурге и Казани, осмотрев в последней Музей университета.

Моя поездка заняла $3\frac{1}{2}$ месяца, причем я проехал взад и вперед расстояние в 9000 верст. Достигнув Зауралья, я посетил Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Томск, Мариинск, совершил поездку в леса Мариинского округа более 100 верст верхом, далее останавливался в Ачинске, в Красноярске, откуда проехал по Енисею до Минусинска, где осматривал могильники и сделал поездку в Абаканскую степь. Затем я воротился назад в Красноярск и проехал до Иркутска, откуда совершил экскурсию на Байкал. Обрато я возвратился по главному тракту, не сворачивая более в Минусинск. Обратный путь до Петербурга занял у меня около месяца. Значительная часть времени была поглощена длинной и утомительной дорогой, так как более $3\frac{1}{2}$ тысяч верст пришлось сделать на лошадях. Имея в виду огромные сибирские расстояния, я должен был спешить и не мог останавливаться подолгу в одной местности для самостоятельных работ.

Поездку я совершал на свой счет и все, что я собрал и делал, это своими собственными средствами. Само собой я не мог делать раскопок, и даже у меня не было средств приобретать научные ценности. Тем не менее я старался собрать научный материал, заменяя приобретение вещей рисунками, снимками, и при помощи осмотра частных и общественных

музеев и коллекций мог составить себе понятие о накопленных археологических материалах на Русском Востоке, как и о работах, производимых различными лицами в последнее время. Я полагаю, что настоящая работа принесет свою пользу Археологическому обществу, так как, имея сношения далеко не со всеми собирателями древностей и учреждениями, оно не знало о многих коллекциях, и в самом археологическом материале должны были быть при этом пробелы. Точно так же ни Археологическая комиссия, ни Археологическое общество не могли знать обо всех раскопках и находках, наконец, доселе не было попытки составления карты курганов и памятников за Уралом, как и сведения археологических результатов в одно целое. Мне выпало на долю представить общую картину и сделать свод всего, что представляется в данное время взору исследователя-археолога, а также собрать сведения по районам обо всех работах, произведенных в последние 20 лет, и преимущественно о тех, которые были доселе неизвестны. Осмотр музеев помог мне видеть сразу массу древностей. Положение мое в этом отношении было выгоднее моих предшественников: я мог видеть целые коллекции предметов в различных частях Сибири уже готовыми, а музеи были значительным облегчением при собирании археологических сведений. О значении этих музеев, создающихся ныне в Сибири и на востоке, я буду иметь честь сообщить.

Начну, однако, с отчета и перечня музеев, посещенных мною. В Москве я осмотрел Исторический музей и отметил особенно сибирские древности. Здесь находилась часть коллекции бронзовых орудий И.А. Лопатина. Среди них заслуживают внимания разной формы ножи с вкладками, бронзовые копья листовидной формы, бронзовые лопатки, названные пестиками, и миниатюрная бронзовая чаша, как бы модель скифских чаш, бронзовые цельты с двумя ушками, цельты без ушков, но с дырочками, бронзовые кинжалы разных форм и, наконец, боевой топор, превращающийся в жезл и напоминающий чекан. Это орудие особенно возбуждает внимание археологов, и я скажу о нем, говоря о раскопках в чудских могилах. Далее заслуживает внимания коллекция, принесенная в дар М.К. Сидоровым¹, состоящая из бронзовых орудий

Минусинского округа. Здесь также находятся цельты, копыя, бронзовая ложка и бронзовые топоры изогнутой формы, находимые в разных местах. В музее находятся и древности, взятые с левого берега Иртыша – Тюкалинского и Тарского округов, добытые покойным М.В. Малаховым. Они состоят из коллекции железных стрел, стремян, удила и бронзовых украшений на коже, из которых заслуживает внимания охотник с кречетом в руках. Тут же находятся вещи из курганов Пермской губернии, доставленные Н.Ю. Зоографом. Оставив осмотр казанских древностей до обратного пути, я обратил внимание, согласно поручению Археологической комиссии, на Пермскую губернию. Она занимала меня также по массе любопытных предметов, найденных в Пермской губ[ернии] и занесенных в атлас Аспелина*. Но к величайшему разочарованию, я не нашел в этой губернии ни одного археолога и ни одного полного собрания древностей. Узнал я только, что есть частная коллекция древностей у г[осподина] Теплоухова в Ильинске. В Екатеринбурге древности собираются при Уральском обществе естествознания. Благодаря Анисиму Егоровичу Клеру, секретарю общества, я посетил этот музей и, кроме зоологической и минералогической коллекций, встретил каменные орудия и бронзовые предметы, полученные при раскопках М.В. Малахова, Зырянова и Теплоухова.

* *Antiquites du Nord finno-
ongrien. Helsingfors. 1877*
(прим. автора).

В Уральском музее находятся костяные и каменные стрелки, медные вогульские идолы. Обращают внимание на себя лыжи, найденные на глубине 10 аршин в золотоносном пласте в Березовском руднике, в 18 в[ерстах] от Екатеринбурга. Они доставлены инженером Нестеровским. На этой предполагаемой лыже находится вырезанное изображение лица, похожее на финского идола; хотя форма куса дерева напоминает лыжу, но доселе изображений на лыжах не встречалось, а есть изображения на деревянных досках, стоящих у остяков близ кладбищ, поэтому предстоит еще определить эту находку. Г[осподин] Клер доселе собирает каменные вещи близ Палкина на устье Исети, на месте, где открыл множество каменных орудий М.В. Малахов. Несомненно, здесь находилась

стоянка древних племен. Никаких надписей и рисунков, снятых с камней, я не видел, между тем известно, что такие есть на Тагиле*. Из записок Уральского общества любителей естествознания я узнал о том, что производились раскопки г[осподином] Теплоуховым в Соликамском уезде, близ села Кудымкара, лежащего при впадении речки Кушвы в Иньву, где находится городище и найдено немало бронзовых вещей. Г[осподин] Малахов тоже раскапывал это городище и нашел вещи из бронзы, из кости и каменные орудия. Он открыл здесь погребальные пласты, в которых отыскано 7 остовов. Г[осподин] Иванов в селе Купрасе нашел также городок. В дер[евне] Тыстоноговой, в Соликамском уезде, обвал реки вымывает множество костей, бронзовых и железных орудий.

** По течению р. Тагил, в 80 в[ерстах] около деревни Гаевой, – пещера. Над ней надписи на скале. Показание уральского крестьянина (прим. автора).*

Близ села Сивы Оханского уезда г[осподин] Иванов добыл человеческий череп с бронзовыми вещами. О находках г[осподина] Иванова напечатано в Трудах Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (Т. 10, вып. 1. С. 5–6, 22–25). О пермских древностях мы находим статью в «Записках Императорского Археологического общества» (СПб., 1856. Т. 8. С. 210–213). Затем в «Пермском сборнике» (изд[ание] 1859 г. под ред[акцией] г[осподина] Смышляева) также были статьи по археологии Пермского края, а именно заметки о курганах в Шадринском уезде А. Зырянова («Пермский сборник». С. 130) и «Заметка о пермских древностях» Ешевского (Там же. С. 132). Наконец, в сборнике статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части [Пермских] губернских ведомостей в период 1842–1881 годов, изданных Пермским статистическим комитетом в 1882 году в память Н.К. Чупина, можно видеть ряд статей по археологии Пермского края, помещенных в губернских ведомостях. <...>

Находя обширный литературный материал о древностях Пермской губернии и видя из рисунков, какие драгоценные предметы для археологии попадались в Пермском крае, мы тем более должны выразить сожаление, что нигде нет

цельной коллекции этих вещей и ни одного археологического хранилища в Перми и Пермском крае, так как Уральский музей, мы видим, не задавался сосредоточиванием у себя всех археологических коллекций. Из лиц, занимавшихся археологией в последнее время, мы встречаем труды в этом крае г[оспод] Теплоухова, Зырянова, покойного Малахова, особенно занимавшегося каменным веком, и Иванова. Нельзя не пожалеть об отсутствии археологических изысканий и сведения всего, сделанного в Пермском крае, в одно целое, тем более, что пермские древности имеют ближайшее соотношение с Урало-Алтайской культурой и могли указать степень ее распространения, а также пролить свет на родство и сношения древних народов Урала с восточными соседями. Находимые идолы, зеркала, цельты и т. п. вещи и теперь наглядно указывают уже на связь этой культуры. Ананьевский могильник содержал вещи, столь же сходные с алтайскими, как и со скифскими.

Отправившись далее на восток, мы остановились в Тюмени и здесь нашли при техническом училище богатую археологическую коллекцию, собранную И.Я. Словцовым, директором этого училища². Тюменский округ не был доселе исследован в археологическом отношении, несмотря на то, что самый город построен на месте татарского городка Ченги-Тура, и масса древних татарских городков находилась по Туре и Тоболу, т. е. там, где был путь Ермака. В Тюменском округе доселе немало курганов. О некоторых из этих курганов существовала легенда, рассказывающая, что вызванный в Петербург генерал-губернатор Гагарин, управлявший Сибирью при Петре I, отправил людей по Туре закопать клад. Лодки прибыли и взяли с собой татар. Около одной деревни они закопали клад, состоявший из бочонков золота, в укромном месте, но при этом случилось следующее: один из непосвященных хотел подсмотреть, где зарывают клад и был убит. Осталось предание, что клад закопан близ деревни под тремя елями, на которых вырезаны были знаки. Легенда эта дала повод впоследствии явиться одному татарину в Тюмень и продать этот мнимый секрет купцу. Тот нарядил людей в деревню и учинил чудовищную раскопку. Копали, говорят,

сплошь почву на несколько десятин около деревни, снесли массу курганов, а золота не нашли. Все постороннее, конечно, бросалось и ценности находкам не придавалось.

Сколько здесь погребло при этой варварской раскопке археологических предметов, неизвестно. Говорят, что здесь попадались бронзовые вещи и даже в берегу будто найдена была лодка, скованная медными гвоздями. Для ученого этот памятник был бы драгоценностью. Раскапывали многие курганы в этих местах, конечно, крестьяне и расхищали их, но вещей из Тюменского округа почти не встречалось в ученых кабинетах. И.Я. Словцов первый предпринял научные изыскания в округе. Первый обзор его уже в 1883 году ознаменовался замечательным открытием близ Тюмени. Осматривая Андреевское озеро в 20 в[ерстах] от Тюмени, И.Я. Словцов как натуралист обратил внимание на лежащие подле [него] холмы. Расположение соседнего озера Бутурлинского и вообще топографические условия обрисовали ему характер заливной долины. Холмы тянулись между озерами. Исследовав подробно местность, г[осподин] Словцов наведен был на догадку о том, что перешеек между озерами и южная часть озера могли представлять когда-то древнее местожительство. Исследование песчаных холмов подтвердило это. С замечательной обстоятельностью и вниманием И.Я. Словцов приступил к работам и сделал первые находки каменных орудий и гончарной посуды.

Признаки обитания найдены на южном берегу озера в 4-х местах. Самое большое количество остатков глубокой древности найдено по южному берегу пролива, соединяющего Андреевское озеро с Бутурлинским. Первобытный человек в этом месте, как видно, пользовался услугами двух озер. Предпринятые здесь работы, при содействии Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, дали возможность [Словцову] систематически и последовательно исследовать местность и получить богатые результаты. Им найдено до 500 предметов, из которых большинство принадлежит к каменному веку. На этой местности, вплоть до реки Вышмы, г[осподин] Словцов открыл до 4-х городков, обнесенных валами в виде полукругов и изрытых

ямами (г[осподин] Словцов указывает, что по внешнему виду эти городки напоминают открытые близ Николаевска-на-Амуре). Работы производились траншеями. По берегу найдены были каменные топоры, причем один замечателен тем, что сделан был из железного шпата с побежалостью лимонита (т. е. из железной руды), что наводит на мысль о том, что руда и в сыром виде служила для орудий, так что впоследствии какая-либо случайность, подвергнувшая это орудие огню, могла навести на мысль о выплавке. Находки в Андреевском озере каменных орудий сопровождалась находением глиняной посуды и глиняных орудий: в той же траншее с каменными орудиями найдено было до 6 целых и 10 обломков глиняной посуды и цилиндров. Г[осподин] Словцов мог сделать одну догадку об употреблении этих цилиндров, не служили ли они плитками при плетении неводов. Рядом встречаются и глиняные орудия, напоминающие моталку для ниток, затем орудия в виде сплюснутого шара с желобком, сходные с найденными на Амуре Пахтинскими, которые принимали за первобытные молотки, но, по объяснению г[осподина] Словцова, это могли быть грузила. Таким образом, рядом с каменными орудиями найдено и множество орудий рыболовства. Замечательно также было следующее открытие: на подъеме почвы около траншеи найдены были полушаровидные углубления, сплошь наполненные полупроплавленной железной рудой, вероятно тем же шпатовым железняком. Тут же вблизи найдены были и куски железной руды. Таким образом, г[осподин] Словцов открыл здесь первобытную плавильню. Открытие это замечательно тем, что оно совпало по времени с открытием кричной плавки железа

на Бологовском мысу князем Путятиным*. Из этого уже видно, до какой степени исследования г[осподина] Словцова были важны. Подробный отчет о всех найденных орудиях помещен в «Записках» Западно-Сибирского отдела Географ[ического] общества, мы же имели возможность видеть эту богатую цельную коллекцию налицо у г[осподина] Словцова. Она состоит из каменных орудий, топоров,

* Кроме того, была разрыта печь, где обжигалась глиняная посуда; масса разнообразной глиняной посуды иллюстрировала гончарное искусство этого времени и приемы производства (прим. автора).

стрелок, скребков, выделанных из глины орудий – цилиндров, бляшек, мотовил, грузил и т. п. Шила* из камня, кирки из железного шпата; ножи, или клы, из зеленого кремнистого сланца, напоминающие экземпляр в Румянцевском музее, и нож, найденный в Мамонтовой пещере. На городке найдены бляшки из красной меди и костяные стрелы. Из 400 предметов найдены только 3 предмета металлических и 10 костяных. Железные шлаки и ямы находятся рядом с каменными орудиями. В это время выплавка железа была крайне плоха, и здесь найдено только пластинка в виде ножа и железный крючок. Но первые опыты изготовления железных орудий указывают на отношение к периоду предшествовавшему.

* Так в тексте,
правильно – шилья.

В своем описании, говоря о стоянках и жилищах первобытного человека, найденных близ Тюмени, г[осподин] Слопцов считает их древнейшими обиталищами, не тронутыми и не разоренными позднейшими нашествиями новых народов. Кроме предметов из раскопок, г[осподин] Слопцов задался целью собрать в кабинет музея и другие находки из разных мест округа: так, у него мы видели полученное серебряное блюдо и два серебряных кувшина из Обдорска, находившегося около кумиров остяков. На блюде изображен рисунок финских божеств, а сосуды представляют замечательное изящество и красоту выделки в восточном среднеазиатском вкусе. Кроме того, мы видели в его коллекции бронзовый цельт известной алтайской формы, найденный в Тюменском округе в 4-х верстах от Тюмени, в деревне Гилевой. Наконец, доставлен бронзовый топор-цельт из Тарского округа. В том же Тюменском музее г[осподин] Слопцов сосредоточил и множество палеонтологических предметов, характеризующих вымершую фауну окрестностей Тюмени. Эти остатки найдены по берегам р. Туры и Тобола. Из них обращают на себя внимание множество костей, в том числе черепов мамонта, челюстей с бивнями, голова носорога, ширококоргий олень, торфяной олень, северный олень, зубр, мускусник и др. Г[осподином] Слопцовым найдено было также ребро мамонта в слое каменных орудий, но он воздерживается

от заключения о совместном существовании человека с мамонтом.

После богатой коллекции г[осподина] Словцова мы должны перейти к отчету о тобольских раскопках и древностях. Несмотря на то, что Искер и другие города около Тобольска, завоеванные русскими, известны уже 300 лет, однако с последнего времени, здесь никто не производил систематических изысканий, и только в последнее время сделаны были изыскания на Чувашском мысу и близ Искера.

Особенно заслуживает внимания открытие каменных орудий близ Тобольска. Эти каменные орудия были найдены близ Тобольска еще в 1870 году путешествовавшим на север И.С. Поляковым и представлены в Московское общество естествознания, этнографии и антропологии. Затем мне известно, что по инициативе одного чиновника приказано было тобольскому исправнику разыскивать и собирать орудия каменного века. Действительно, исправник Дзержинский собрал массу каменных орудий, отобранных чрез волостных писарей в разных волостях. Часть этих орудий отправлена была главным начальством в Москву, другая часть осталась у исправника Дзержинского. Где и в каких местах были найдены эти орудия, так и осталось тайной, а потому эти коллекции едва ли могут служить материалом для научной разработки. Точно так же в Тобольской губернии производил археологические изыскания секретарь статистического комитета Голодников³, но, ввиду отсутствия всякой подготовки, разрытие им могил не дало важных результатов, и находки, встреченные в виде костей и черепков, не имеют особого интереса.

Находимые вещи на Искере и близ Чувашского мыса возбудили, однако, внимание одного из весьма образованных лиц в Тобольске – Михаила Степановича Знаменского⁴. Понемногу он начал собирать находимые вещи, постепенно производил тщательное исследование местности и ныне составил описание, план Искера, и изготовил прекрасный акварельный альбом найденных им вещей. Он имеет любопытную коллекцию археологических предметов, часть которой уже перешла в Сибирский университет [в Томске]⁵. Работы

и изыскания М.С. Знаменского заслуживают особого внимания и признательности. М.С. Знаменский по моей просьбе составил записку для Императорского Русского археологического общества обо всех найденных им предметах и планы замечательных местностей и городков близ Тобольска. Г[осподин] Знаменский обращает особое внимание на то, что берег Иртыша все более подмывается, и потому самое стойбище вместе со всеми археологическими остатками уносится Иртышом. Г[осподин] Знаменский советует, пока еще не ушло время, произвести работы в уцелевшем берегу, ибо можно предвидеть, что знаменитый Искер, место татарской столицы, взятый русскими и послуживший первым станом их, совершенно исчезнет в волнах могучей сибирской реки. Г[осподин] Знаменский представил планы и положение прежнего и нынешнего Искера по отысканным им планам.

Что касается коллекции М.С. Знаменского, то она состоит из самых разнообразных орудий. Найденные им каменные орудия и множество костяных вещей представляют ложки, утварь, сделанные из кости музыкальные инструменты, костяные топоры. Из бронзовых вещей – идолы, пряжки, украшения, фигуры зверей, принадлежности к сбруе, из железных – железные орудия, пряжки, остатки панцирей, удочки, сошники. В обилии находятся глиняная посуда, глиняные кружки для веретен, точно так же близ того же Искера попадаются обломки фарфоровой китайской посуды вместе с китайскими предметами. Из других вещей заслуживают внимания обломок древней пищали, ножницы с китайским клеймом, весы, подобные мерянским, и т. п. Кроме того, падается много бус, колец.

Предметы эти показывают различные наслоения и ряд культур различных обитателей, сменявших одни других.

После каменных орудий встречаются бронзовые и железные, причем находимые формы бронзового литья убеждают, что орудия эти здесь тоже выделялись, подтверждают и находимые шлаки. После звероловных и рыболовных первобытных орудий встречаются жернова, сошники и серпы, т. е. орудия земледельческие, показывающие, что татары, обитавшие до пришествия русских, занимались земледелием.

Серебряные поделки носят след изящной и тонкой работы. Образцы этой работы сохраняются доселе у подгородных татар. М.С. Знаменский собрал любопытную коллекцию татарских амулетов, браслетов и других изящных вещей, указывающих на замечательное развитие ремесленности, сохранившееся от прежнего времени. Я приобрел две такие старинные вещи, которые передал в Императорскую археологическую комиссию. Заинтересованный изучением образцов древней культуры, я нашел впоследствии в Казани целую выставку произведений, которые подделывались к старинным образцам и принорованы к вкусу инородцев. Произведения эти выделывает Рыбная Слобода на Волге и сбывает мордвинам, вотякам, башкирам, киргизам и татарам. Замечательно, что все эти произведения сообразуются со вкусом и требованиями каждого из этих племен. Эти произведения ныне проникают до отдаленного востока; разница их от древних, однако, в том, что они делаются из меди и только серебрятся, между тем как прежние были из серебра, украшены золотом, камнями и т. п.

Кроме собранных древностей М.С. Знаменского, в последнее время производил изыскания и раскопки близ того же Тобольска, около Панина Бутра, бывший тобольский вице-губернатор Дмитриев-Мамонов⁶. Коллекцию А.И. Дмитриева-Мамонова мы видели в фотографиях*. При раскопках найдены бронзовые орудия, алтайские цельты, медные ножи, костяные стрелы, подобие сошника с орнаментом, напоминающим болгарские вещи, медные идолы пермского типа, глиняные горшки и проч. Наконец, при этих же раскопках найдены черепа. О раскопках этих до сих пор не появлялось отчета, и вещи находятся у г[осподина] Дмитриева-Мамонова.

Видя распространение бронзовых орудий по всей Тобольской губ[ернии], в Тобольском, Тюменском и Тарском округах, мы старались по пути узнать о находках к северу от Тобольска и поэтому произвели расспросы в селе Самарове. В селе Самарове на горе пробовала производить раскопку экспедиция Брема, предполагая здесь городище или

* Фотографии эти
персланы в Московское
археологическое
общество (прим. автора).

остаток могил, но изыскание это было безуспешно. Между тем мне передавали, что лет 18 назад около Самарова находимы были бронзовые изображения в виде коньков, оленей, цепочки, подвески и пр. Крестьянин Змоновский из дер[евни] Скрипуновой на Оби, в 60 верст[ах] от Самарова, сообщил, что у них также попадаются разные бронзовые вещи. Около Сургута я узнал также о находках бронзовых предметов на Оби, наконец, такие находки сделаны в Нарымском округе, и я видел прекрасные бронзовые копья, доставленные в Западно-Сибирский отдел Географического общества в Омске. Недавно найден там же бронзовый кинжал, доставшийся одному доктору.

Район между Иртышом и Обью, известный под именем васюганских болот, включает инородческое население из остяков и остяко-самоедов, но здесь никаких археологических исследований не делалось, хотя, судя по некоторым указаниям, и здесь жило весьма давно население, стало быть, могут быть и находки памятников древнейшей культуры.

В Томске я вновь должен был обратить внимание на частные коллекции и музеи. Я осмотрел здесь собрание древностей в университетском кабинете, видел частные коллекции у А.В. Адрианова⁷, Н.Н. Петухова⁸. [Профессор] В.М. Флоринский положил начало собранию древностей при будущем Сибирском университете, и я здесь нашел часть коллекции г[осподина] Знаменского, множество предметов из Алтая, из Семиреченской области. В музее находится уже 5 кольчуг и 2 шлема, найденных в Сибири.

В тобольской коллекции находятся костяные орудия, каменные, бронзовые и железные. Среди алтайских предметов заслуживают внимания котлы скифского образца, зеркала, цельты и ножи. Из семиреченских древностей: каменные бабы и оросительные глиняные трубы с ирригационных полей. В коллекции г[осподина] Адрианова и г[осподина] Петухова я нашел значительное число алтайских бронзовых орудий, цельтов, ножей, кинжалов, зеркал бронзовых и т. п. Г[осподин] Адрианов был так обязателен, что дал мне несколько фотографических снимков всех своих находок для представления в Археологическое общество.

Так как у г[осподина] Адрианова находятся в высшей степени любопытные и драгоценные находки, это маски, найденные в жертвенной яме около Минусинска, то маски эти я просил срисовать художника П.М. Кошарова⁹. Около Томска до сих пор почти не производилось раскопок, и только в последнее время г[осподин] Адрианов направил исследования на Тоянов городок. Положение этого городка и план его обязательно срисован для меня П.М. Кошаровым, и я его передаю в общество.

По дороге из Томска в Мариинск я обратил внимание на курганы, находящиеся близ Ачинска, и на небольшой городок, находящийся в 5 в[ерстах] от этого города. Что касается курганов, то они попадаются около Краснореченска, Боготола и тянутся до г. Ачинска. Крестьяне выпахивают здесь разные бронзовые вещицы, костяные стрелки, находят и каменные стрелки. Никто доселе, однако, не собирал их.

В 20 вер[стах] от села Краснореченского, по дороге к Ачинску, я узнал о замечательной пещере с ходами и срубам, где находили костяные стрелки; ее никто доселе не исследовал.

Красноярск представил снова пункт любопытный в археологическом отношении. Многие редкости давно собирались здесь путешественниками. Около Красноярска известен был Змеиный городок, описанный путешественниками и г[осподином] Поповым*, но городок этот по исследованиям г[осподина] Савенкова не дал никаких результатов. Гораздо важнее оказались исследования И.Т. Савенкова¹⁰ на местах, где попадались каменные орудия. Известный археолог и исследователь сибирских древностей Попов ничего не упоминает о каменных орудиях. Г[осподин] Савенков обращает внимание прежде всего на Базаиху, местность неподалеку от Красноярска, и делает здесь любопытнейшие находки каменного века. На этой Базаихе находилась, несомненно, древняя стоянка, здесь же попадались и черепа жителей каменного периода. И.Т. Савенков передал мне, что когда-то черепа

* Г[осподин] Попов посвятил целый ряд статей минусинским и енисейским древним памятникам в «Известиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (Иркутск) (прим. автора).

эти попадались в таком изобилии, вымываемые из песка, вероятно, разливом, что мальчишки для забавы делали из них мишень и разбивали камнями. Г[осподин] Савенков собрал, возможно тщательно все, что находилось на Базаихе. Городок позади Базаихи не представляет при перепахивании почвы никаких остатков орудий. Несомненно, городок с валом служил временной защитой для войска. Гораздо более обильна древностями местность близ Красноярска, находящаяся у кирпичных сараев, на склоне так называемой Афонтовой горы. При осмотре раскопок глины для добывания кирпича на глубине 2 и 2½ ф[ута] И.Т. Савенков открыл слой, заключающий в себе палеонтологические остатки и каменные и костяные орудия самого древнего происхождения. Из всего этого, вместе с произведенными изысканиями в других местах и раскопками курганов на Базаихе и на прииске близ реки Узунжул, у г[осподина] Савенкова скопилась одна из богатейших коллекций, которую он разрабатывает и представил несколько отчетов и записок по этому поводу в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Иркутске. Не принимая на себя смелости передавать результаты сделанных открытий, я просил И.Т. Савенкова дать записки о своих работах, которые и представляю Археологическому обществу. Сам же считаю нужным передать о впечатлениях, вынесенных при обзоре коллекций и материалов И.Т. Савенкова. Коллекция каменных орудий, добытых на Базаихе и около Афонтовой горы, представляет теперь до 1000 экземпля[ров], одних стрелок – около 300. Стрелки делятся на боевые и звероловные, они напоминают стрелки индейцев. Г[осподин] Савенков удостоверяет, что приготовление стрелок здесь производилось костяной обивкой или нажиманием. Кремневые и костяные стрелки имеют между собой сходство, видны переходы к костяным топорам; костяные ножи выделялись из локтевой кости оленя; попадаются диоритовые тесла для долбления, палочки для горшечного производства, наконец, заслуживают особого внимания найденные на этой стоянке каменные амулеты из агамотолита, изображающие разных животных, и подвеска в форме каменного кольца. Курганы на Базаихе

также дали богатые результаты. Здесь попадаются кости животных, сохатого и неолитические орудия, попадаются костяные орудия оригинальной формы, представляющие первую стадию обработки из рога. Между прочим, соединение костяных орудий с кремневыми, как, напр[имер], ребро, в желоб

** Имеется в виду работа датского археолога Е.-Я. Ворсо (1821–1885), директора Королевского датского музея, члена-корреспондента Берлинского научного общества антропологии, этнологии и первобытной истории, члена-корреспондента Российской академии наук.*

которого всажены куски кремня. Орудие это, пила, встречающееся в Атласе Ворсо*, также находится и в коллекции Н.И. Витковского¹¹ в Иркутске. Из красноярских раскопок каменного века, рядом с этими орудиями, попадают и костяные идолы. Склоны Афонтовой горы заключают постиллиаценовые слои и палеолитические каменные орудия. Они напоминают по односторонней обивке, согласно указанию г[осподина] Савенкова, пещерные орудия системы Мустье. Затем идут каменные ножевидные орудия, наконец, костяные

из ребер животных, но еще более вызывают любопытство приспособления мамонтовой кости, причем употреблялось сначала обжигание ее, а потом обивка; мамонтовая кость давала древнему жителю замечательно удобные боевые орудия. Такая утилизация мамонтовой кости в древнейшие времена представляет любопытнейшее археологическое открытие. В этом же слое, вместе с каменными палеолитами, попадают

*** Bos primigenius – первобытный дикий бык.*

кости мамонта, носорога, изюбря, сохатого, северного оленя, дикой лошади, древней собаки и *bos primigenius***.

Все это делает раскопки в этой местности драгоценными. Надо прибавить, что траншеи, в которых ведут работы кирпичники, как мы лично освидетельствовали, тянутся на огромное протяжение, и повсюду, на глубине 2 и 2½ ф[ута] попадают предметы и кости. Кроме этих предметов, мы видели у г[осподина] Савенкова добытые на Базаихе и реке Узунджул в Минусинском округе бронзовые орудия при совместной раскопке с И.П. Кузнецовым¹²; из них особенно заслуживают внимания боевые топоры, или клевцы, насаживаемые на деревянную ручку и находившиеся рядом с костяком. На Енисее в дер[евне] Батенях г[осподин] Савенков наталкивается

на сыродувные печи со шлаком из меди и железа, а также чугуна. Эти сыродувки есть представители древнейшего до-
быwania металла. Все это делает исследования г[осподина]
Савенкова весьма ценными. Отдавшись страстно науке, он
производит исследования дюн, собрал сведения о многих
каменных стоянках в [Енисейской] губернии и, кроме того,
составил превосходную коллекцию писаниц, или фигурных
изображений на камнях. Изображения эти весьма тща-
тельно срисовываются исследователем. Надо заметить, что все
виденные нами писаницы в прежних атласах, начиная с ри-
сунков Спасского и кончая атласом Аспелина, заимствовав-
ших рисунки у других, не удовлетворяют своему назначению.
Рисунки Савенкова не только исправляют прежние снимки,
но вносят много нового и совершенно иначе освещают этот
предмет. Г[осподин] Савенков вносит классификацию, изуча-
ет и разделяет письма по способу начертания, приемам,
которые употреблялись в древности. Он не позволяет себе
фантазий и сближения фигур по аналогиям,
что до сих пор вводило многих в соблазн и
заблуждение. Так, напр[имер], из символиче-
ской фигуры делалось колесо и переносилось
к фигурам, вблизи которых они не были; фи-
гура лягушки смешивалась с человеком. Не-
обходимо при том отличать новейшие прибав-
ления к писаницам от старых начертаний*.

Животный эпос в этих фигурных над-
писях играет особенную роль. Встречаются
медведь, козы, коровы и, особенно, сохатые
и олени. На фигурных надписях мы в первый раз встретили
лодки, наконец, воинов в самых разнообразных шапках мон-
гольского, китайского типа и даже в подобии шлемов. Фигу-
ры людей самые разнообразные: здесь играют роль всадники,
шаманы и фокусники. Фигурные рисунки г[осподин] Савен-
ков считает не началом письменности, а началом живописи.
Это анимические воззрения дикаря. Письменность начина-
ется в виде зарубок, затесей, изображения тавра, тамги. Кол-
лекции их г[осподин] Савенков собирает и сравнивает во все-
возможных проявлениях. Это уже одно показывает усердие,

** При осмотре писаниц
по Енисею и знаков
на могильных
камнях минусинских
мы убедились,
что самые древние
начертания делались
не резьбой, а насечками,
как бы острым клином,
и линия выходит
точечной (прим. автора).*

внимание и трудолюбие исследователя, который составил карту всем писаницам и первый делает систематические разыскания каменного века, ставя в связь это с геологическими и палеонтологическими исследованиями. Мы видели несколько обстоятельных отчетов и описаний И.Т. Савенкова в Восточно-Сибирском отделе Географического общества, так же как присланные акварельные рисунки минусинских могил. Так как отдел едва ли может издать все рисунки и материалы И.Т. [Савенкова], то Археологическое общество могло бы снестись с ним. Вместе с г[осподином] Савенковым деятельным собирателем древностей является И.П. Кузнецов, издавший на свой счет описание Минусинского музея и заступающий полной признательности.

Около Красноярска когда-то занимался исследованием и раскопкой курганов бывший красноярский губернатор Степанов¹³, составивший описание Енисейской губ[ернии], но куда девалась его коллекция, осталось неизвестным. По описанию Эрмана, коллекция эта заслуживала внимания. Точно так же около Красноярска производил раскопки г[осподин] Александров, но имущество его было продано за долги и также исчезло бесследно. Г[осподину] Савенкову удалось только отыскать один череп из этой коллекции с полицейской печатью. Наконец, известны описания древностей Титова; мы видели часть сохранившейся рукописи в Восточно-Сибирском отделе Географического общества и, судя по рисункам этих древностей и вниманию, с каким относился собиратель, считаем уцелевшие остатки доказательством, что в труде Титова исчез драгоценный археологический труд.

Относительно енисейских изысканий я должен указать, что с проведением Обь-Енисейского канала сделано несколько находок, между прочим, найдены каменные орудия, затем кольчуга, которая поступила в коллекции Енисейского общественного музея, основанного подобно Минусинскому.

Затем я узнал о богатой коллекции Бойленга, о которой списался [с владельцем] и получил ныне сведения. Коллекцию эту я могу рекомендовать вниманию Археологической комиссии и общества. Коллекция П.А. Бойленга состоит из следующих предметов: медных – 296, каменных – 40,

железных – 408, костяных – 38 и чугунных – 17. Всего 799 экз[емпляров], ценность коих владделец определяет в 2500 руб.¹⁴

По осмотру красноярских древностей и коллекции И.Т. Савенкова я счел своим долгом побывать в Минусинске – осмотреть музей, а также сделать экскурсию в степи, чтобы взглянуть на присаянские древности и сравнить минусинские могилы с алтайскими, ранее мною исследованными. Поездка в Минусинский округ дала богатые результаты для меня и была истинным наслаждением. Прежде всего я познакомился с музеем Н.М. Мартьянова, у которого, как все исследователи, встретил полное гостеприимство и внимание. Музей помещался в нижнем этаже местного училища и занимал 7 отделений: общественная библиотека, музейная библиотека, естественноисторический отдел, сельскохозяйственный, кабинет учебных пособий, этнографический отдел и археологический отдел. Музей основан 10 лет назад по инициативе Н.М. Мартьянова, по богатству предметов археологических и разнообразию отделов он может считаться первым научным музеем во всей Сибири. На него не истрчено, надо заметить, ни одной казенной копейки, все приобретено пожертвованиями и стараниями Н.М. Мартьянова. Музей этот замечателен тем, что он не представляет кладовую с беспорядочным собранием предметов, но все они точно классифицированы и находятся в превосходном порядке. Классификация сделана научная. При музее ведется точный журнал, и имеются указания, откуда предметы получены, кем и где найдены. Наконец, в журнал вносятся все предшествовавшие находки и раскопки в округе. Превосходно составленная коллекция дала возможность издать ныне каталог с подробным описанием древностей Минусинского округа, составленный Д.А. Клеменцем. При музее, кроме того, работал даровитый рисовальщик художник Станкевич, который делал рисунки археологических предметов, рисовал могилы, памятники и поместил в музее акварельные картины этнографического содержания. Как быстро растет музей и приумножаются его предметы по археологии, можете судить по тому, что, когда печатался нынешним летом каталог, в нем было означено

3630 предметов в археологическом отделе, а именно: медных и бронзовых 1270, желтой меди 12, железных 1849, из камня и кости 309. Ко дню посещения мною музея было уже 4165 орудий. <...>

Археологическое собрание помещается в особой небольшой комнате, небольшая часть выставлена под стеклом в верхней части 5 больших шкафов и в верхней части стен; вазы, котлы размещены на шкафах, — большая же часть материала хранится в закрытых шкафах. Все мелкие предметы пришиты к картонам и сгруппированы по системе, принятой в каталоге г[осподина] Клеменца. Самые мелкие предметы, как серьги, стрелки, пряжки и т. п., кроме того, что пришиты по нескольку [штук] к кускам картона, но каждая группа помещена еще в бумажные коробки. Черепки тоже размещены в бумажные коробки и сгруппированы по местностям. При устройстве предметов на стенах имела в виду симметрия, как это принято на выставках, на щитах. Камни с письменами украшают вход в музей у крыльца. Здесь находятся известные рунические камни*, описанные Палласом, Кастреном и Спасским.

* Так в тексте, правильно — рунические камни — валуны, с вырезанными на них рунами, надписями древних германцев.
** В настоящем 1887 г. на частные пожертвования в Минусинске строится уже целое двухэтажное здание для музея (прим. автора).

Изданные ныне описания и альбом рисунков Минусинского музея дают понятие о драгоценностях, хранящихся в музее, и о богатстве находок в Минусинском округе. Благодаря этому музею, ныне не пропадает уже ни одна находка в округе, а это весьма важно**. Собиратели древностей в музее ревниво следят за всеми находками и раскопками. Таким образом, научное значение его неоспоримо. Только с основанием музея получилась местная коллекция, до этого все частные коллекции исчезали неизвестно куда. Подобной участи подверглись коллекция Степанова, Титова, Кострова и др. лиц, бывавших в Минусинском округе. Минусинский музей дал толчок и пример основанию других общественных музеев в Сибири, и теперь основан подобный же музей в Енисейске, где также собираются древности, положено основание музею в Семипалатинске, в Бийске и на днях строится музей в Тобольске. Таким образом, деятельность

как Н.М. Мартьянова, так и помощника его Д.А. Клеменца заслуживает особого внимания и поощрения.

Пребывание мое в Минусинске дало возможность собрать сведения обо всех раскопках, сделанных в последнее время в этом округе. Кроме путешественников прошлого столетия, Палласа, Гмелина, наконец, Кастрена и Клапрота, видевших многие минусинские памятники и могилы, интересовались древностями Спасский, Степанов, князь Костров¹⁵, Титов. Об их раскопках не сохранилось никаких сведений. В Иркутске я узнал, что была рукопись Титова в отделе Географического общества в Иркутске, но утрачена во время пожара. В последнее время удалось, однако, найти часть ее с рисунками, и я видел ее в библиотеке отдела. В ней уцелело описание забайкальских древностей. Более систематическое исследование в новейшее время курганов Минусинского округа вместе с алтайскими было произведено В.В. Радловым, но я не касаюсь этих раскопок, так как они известны Археологической комиссии и вошли в сочинение г[осподина] Радлова «Aus Sibirien».

Укажу на новейшие раскопки только следующих лиц, от которых собрал сведения. Раскопки производились инженером Боголюбским, о чем он печатал в «Записках» Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Я видел следы его раскопок около прииска Барташова на р. Узунджул. Затем раскопки были производимы г[осподином] Савенковым вместе с золотопромышленником И.П. Кузнецовым и г[осподином] Адриановым около Минусинска во время его экспедиции. Затем собирались сведения о курганах и каменных бабах, а также рунических камнях Д.А. Клеменцом и Н.М. Мартьяновым.

На месте я убедился, что раскопки инженера Боголюбского не могли удовлетворить научным требованиям; они велись спешно и небрежно, как доказывает раскопка на Узунджуле. Курган здесь был разрыт в центре, кости вытащены из середины, но могила не исследована по бокам, так как при обзоре могильника я убедился, что около кургана попадались еще кости. Находки г[осподина] Боголюбского не были доставлены даже в сохранности. Рабочие разбивали

череп и т. д. Впрочем, к счастью, любознательность г[осподина] Боголюбского коснулась очень немногих курганов. Более тщательно производили раскопки г[оспода] Кузнецов и Савенков. Отчет об этих раскопках И.Т. Савенков представил в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. Раскопки его на Узунджуле по тщательности и добытым результатам заслуживают вполне внимания. Им открыта могила обитателя бронзового века с вполне сохранившимся костяком. В головах и ногах находились глиняные чаши, у правой руки чекан или боевой бронзовый топорик, около пояса бронзовый кинжал. Положение костяка и предметы, найденные при нем, совершенно мне напомнили могилу и предметы, найденные на покойнике в Ананьевском могильнике. В этой могиле не найдено было жертвенных животных, но было два скелета и черепа собаки, один над покойником, другой ниже*.

** Позволим себе
здесь указать, что
обычай похорон собаки
сохранялся у вогуличей,
как видно из описания
Массы, переведенного
Витзенем, – «Северн[ая]
и Восточн[ая] Татария»
(1706. Ч. 2. С. 734)
(прим. автора).*

Раскопки г[осподином] Адриановым производились около самого Минусинска на Тагарском о[стро]ве. Из 6 могил разного типа самым замечательным явилась могила с остатками костей и гипсовых масок. Раскопка эта описана им в «Известиях Императорского Русского географического общества» (1883. Т. 19, вып. 3). Большинство могил было бронзового века, костяки лежали на з[апад] и на в[осток], около них всегда были глиняные чаши, бронзовые ножи и бляшки; бронзовая бляшка иногда находилась на лбу. Около костяков попадались кости животных – барана или лошади. Некоторые из этого типа могил имели каменные склепы из плит. Сверху они были обставлены камнями и забурованы камнем. Две могилы, найденные затем г[осподином] Адриановым, представляли особенности, доселе неизвестные, а именно: кроме костей животных и глиняных горшков, они представляли кучи сожженных человеческих костей. Один курган особенно был оригинален и богат новыми открытиями. Он представлял невысокую плоскую насыпь, обложенную плитами на ребрах. На аршин глубины был обгорелый сруб. Под бревнами оказались сожженные

кости, горшки и, что всего замечательнее, гипсовые маски; их было до 20, но гипс был рыхлый, и они разрушались, так что вынуть их нужно было особое искусство. На масках была красная окись железа. Некоторые маски отличались необыкновенным изяществом. Одну маску, сохранившуюся вполне, г[осподин] Адрианов снял прямо с лицевой части черепа. Тут же у сруба лежали 86 черепов вплоть один к другому.

Из вещей найдены костяные стрелы, медные изображения лошадиных головок, медные птичьи головы и железные крючки. В горшках также находились жженые человечьи кости, найдена сожженная ткань и куски шитой бересты. Г[осподин] Адрианов признал последнее одеянием, но не скорее ли это берестяные покрывала и футляры, подобно находимым и в Ананьевском могильнике. По этой могиле виден особый способ частичного погребения и сжигания трупов. Маски откапывались, как видно по некоторыми намеками Палласа, и ранее*. Один татарин принес в Минусинский музей несколько ранее часть маски. Цельных масок, однако, доселе не попадалось. Тип масок весьма любопытен, и некоторые из них решительно не напоминают монгольский тип, напротив, черты чисто арийские. Черепа в минусинских могилах тоже попадают не всегда монголообразные, и я видел у г[осподина] Савенкова курганный череп необыкновенно правильный, тонкокостный, кавказского типа. В числе лиц, хранящих и собиравших древности, мы должны упомянуть уважаемого священника села Абаканского, о[тца] Стефана Смирнова; некоторые бронзовые вещи от него (кинжал и топор) переданы мною в Археологическую комиссию. <...>

** Курганички передавали Палласу о фарфоровых раскрашенных головах, находимых в могилах (прим. автора).*

Судя по обилию находок до сих пор и собираемых предметов тысячами, мы вправе ожидать в округе еще богатой жатвы для археологов. Для того, однако, чтобы курганы не раскапывались случайно, недостаточно одного запрещения предписаниями, они одни никогда не помогали. Необходимо иметь уполномоченное лицо на месте от Археологического общества, которому и поручить надзор и самую разведку курганов. Мне кажется, что ревнитель Минусинского

* Так в тексте, правильно –
отношения.

музея, г[осподин] Мартьянов, при своих сношениях* и преданности науке, вполне может оправдать такое доверие. В Красноярске же таким лицом может быть И.Т. Савенков. <...>

Обращаюсь к Иркутскому музею при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества. Отдел этот, как старейший, учрежденный в 1851 году, снаряжавший много экспедиций и принимавший многих путешественников, мог собрать самые богатые научные коллекции. К сожалению, музей отдела несколько лет назад был жертвой пожара, нанесшего всему городу огромные бедствия.

В настоящее время музей обновлен; из старых коллекций сохранились весьма немногие предметы. Иркутский отдел занимает собственный дом, зал его украшен красивыми и большими витринами, в которых расположены преимущественно этнографические коллекции. Всех коллекций, по последнему отчету, было 41, а численность предметов доходила до 4107. В нынешнем 1886 году коллекция музея обогатилась на 1045 предметов, большинство предметов выпало на зоологические (556) и палеонтологические коллекции (273 предмета), по археологии внесено всего 22 предмета.

Из археологических коллекций заслуживают внимания коллекции Черского и Витковского, сделавшего более других в Восточной Сибири для доисторической археологии. Из этих раскопок добыты преимущественно драгоценные каменные орудия, но в музее, к сожалению, весьма мало памятников металлических эпох, исключая минусинские предметы. <...>

Рассматривая находки каменного века в Сибири и проследив литературу, собранную графом Уваровым, мы не можем не прийти к заключению, что разработка каменного века в Сибири только что началась. Несмотря на то, что орудия находились, как видим, с конца прошлого века и открыты в Камчатке еще во время экспедиции Крашенинникова, мы не можем вполне в них ориентироваться. Сами они не были точно описаны, а потому мы не можем и определить давность этих орудий, а также их характер. Они не разделены доселе на палеолитическую и неолитическую эпохи благодаря тому,

что они раскиданы в разных местах, а другие утеряны. Мы сняли рисунки с четырех замечательных орудий каменного века, напоминающих тюленя (по объяснению г[осподина] Анучина); эти орудия найдены на Лене, Ангаре и на Амуре. Сходство этих орудий указывает на некоторое единство и тождество культуры каменного века.

Определение эпох каменного века представляет в Сибири те трудности, что каменные орудия употреблялись многими инородцами до нашего столетия; поэтому находки их без подробных геологических исследований местности теряют всякое значение. Гораздо важнее стоянки и могильники каменного века. Сибирь может представить особый интерес в деле распространения каменных орудий из нефрита, отечество которого находится отчасти в Туркестане, а отчасти в Иркутской губернии. Орудия эти имели огромное распространение в древнюю эпоху. Самый отдаленный период, доледниковый и четвертичный, существования человека еще не определен в Сибири, хотя это имело бы особую важность при находках мамонтовых костей. Совместное нахождение мамонтовых костей с орудиями дали возможность в Европе сделать весьма важные заключения о древности человека. К сожалению, в отечестве мамонта и месте, откуда он направился в Европу, доселе мы не находим никаких определенных указаний о древности человека. Тем более становятся любопытны изыскания в этом направлении.

Как скудна археология в отношении каменного века в Иркутской губ[ернии] и Якутской области, так же скудна она в отношении металлического века. Мы встретили в [Иркутском] музее очень немного предметов бронзового века и железных шаманских принадлежностей, открытых в Якутской области, между прочим две древние сабли, найденные в Иркутской губ[ернии], в Балаганском округе. По части раскопок курганов и исследования древних могил известны только работы г[осподина] Агапитова в Ольхонской степи.

Относительно Забайкалья должно сказать, что за Байкалом не было систематических работ по исследованию курганов, хотя, как можно судить, этими памятниками Забайкалье не менее богато, чем Минусинский округ. Есть

немало указаний на существование здесь оседлости и культуры в древнейшие времена. Земледелие существовало в Даурии в весьма отдаленное время, как видно по ирригационным остаткам, найденным еще Палласом. Жерновые камни, совершенно тождественные с древними чудскими, находятся в Балаганском округе, к северу от Иркутска, как мы удостоверились по находкам музея.

Забайкальская область и вершины Орхона сохраняют следы и буддийской культуры в виде остатков монастырей. Самое существование Каракорума близ наших границ должно возбуждать особенное любопытство в деле археологических исследований в Восточной Сибири.

Зато Иркутский музей с его этнографической коллекцией инородческих предметов дал мне богатое подспорье к объяснению многих курганных предметов не только в Сибири, но и находимых в Европейской России. Многие металлические вещи и украшения у инородцев носят сходство с древними вещами, многие загадочные вещи и фибулы объясняются при изучении шаманских украшений, поэтому я старался обратить внимание на этот материал.

Сохранение у инородцев древнего искусства в выделке железа, меди, бронзы, серебра и различных украшений доказывает преемственность культуры у сибирских инородцев от аборигенов, населявших эти места и оставивших следы своего искусства в курганах. В этом отношении изучение башкирских, татарских, киргизских и бурятских украшений весьма поучительно для археолога, а орнамент их, сравниваемый с древними курганными вещами, указывает на распространение восточной культуры и взаимные сношения угро-алтайских племен. Как мы убедились, подвески, фибулы, встречаемые в пермских, мерянских и скифских могилах, обнаруживают родство с алтайскими и саянскими находками.

Оканчивая доклад об археологических исследованиях в Восточной России и Сибири, я должен сказать, что местные центры исследований и музеи принесли в последнее время огромную пользу уже тем, что сосредоточили и сохраняют местный научный материал, тогда как прежде он развозился учеными, путешественниками и администраторами, и часто

совсем исчезал из виду. Поэтому развитие этих музеев и особое покровительство им Императорского Археологического общества весьма желательно.

Публ. по: *Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ: отдельный оттиск из Записок Императорского Русского археологического общества. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1887. 26 с.*

КОММЕНТАРИИ*

¹ Михаил Константинович Сидоров (1823–1887), красноярский купец, золотопромышленник, действительный член Императорского Русского географического общества. Оказывал финансовую поддержку научным изысканиям, в их числе и музейного дела, и сам участвовал в экспедиционных исследованиях Севера России и Сибири.

² Иван Яковлевич Словоцов (1844–1907), выпускник Императорского Казанского университета, организатор и первый директор Александровского реального училища (ошибочно названного Ядринцевым техническим училищем), открывшегося в Тюмени в 1879 г. Состоял членом-учредителем Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, совершил множество научных экспедиций по Уралу, Западной Сибири и Степному краю. Собранные материалы и коллекции передавал в реальное училище. Созданный им музей в 1920 г. был преобразован в Тюменский губернский музей, ныне это Тюменский областной краеведческий музей имени Словоцова.

³ Капитон Михайлович Голодников (1824–1906), окончил Тобольскую губернскую мужскую гимназию, преподавал, много лет, с перерывами редактировал «Тобольские губернские ведомости», работал в губернском статистическом комитете; публиковал в газете материалы по истории и статистике Тобольской губернии.

⁴ Михаил Степанович Знаменский (1833–1892), художник. По окончании Тобольской, а затем Санкт-Петербургской духовных семинарий преподавал рисование в тобольских учебных заведениях, сотрудничал в столичных и сибирских журналах и газетах, проводил археологические раскопки на древних городищах близ Тобольска.

⁵ В 1882 г. коллекция тобольских древностей, собранная М.С. Знаменским, была приобретена В.М. Флоринским (на пожертвование М.К. Сидорова) для организации Археологического музея строившегося Томского университета.

⁶ Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов (1847–1915), был председателем Томского губернского правления, в сентябре 1879 – апреле 1880 г.

* *Сост. по:*

Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 440 с.; Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1–3.

возглавлял Томское губернское управление на правах исправляющего должность губернатора. Собранные им археологические коллекции пожертвовал в Археологический музей Императорского Томского университета. После отъезда из Томска служил в Тобольске и Омске, в 1890 г. возглавил Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

⁷ Александр Васильевич Адрианов (1854–1920), сын священника, выпускник Санкт-Петербургского университета, активный участник общественно-политического движения, издатель и редактор «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни», служил по акцизному ведомству. Совмещал многочисленные служебные и общественные обязанности с исследованиями в области археологии, этнографии, энтомологии, ботаники; собранные им коллекции хранятся в музеях Петербурга, Томска, Минусинска.

⁸ Нафанаил Назарович Петухов – председатель Томского губернского правления, во время служебных командировок губернатора А.Ф. Анисына и после смерти сменившего его на губернаторском посту А.И. Лакса, в 1886–1888 гг., исполнял обязанности томского губернатора.

⁹ Павел Михайлович Кошаров (1824–1902), окончил рисовальные курсы Петербургской Академии художеств, преподавал рисование и черчение в средних учебных заведениях Томска. В летние месяцы участвовал в качестве рисовальщика в научных экспедициях по Алтаю и Средней Азии, по итогам которых составил несколько этнографических альбомов. Им созданы серии живописных видов Тянь-Шаня, Алтая, пейзажей Томска и его окрестностей.

¹⁰ Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914), уроженец г. Мариуполя, окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, преподавал в мужской гимназии в Красноярске, в 1873–93 гг. был директором Красноярской учительской семинарии. Занимался археологией, более 10 лет вел раскопки памятника эпохи палеолита на Афонтовой горе, докладывал о результатах своей работы на II Международном антропологическом конгрессе в Москве. В 1907–1911 гг. заведовал Минусинским музеем. Издание книги «О древнем изобразительном искусстве на Енисее» (Красноярск, 1912) принесло И.Т. Савенкову звание члена-корреспондента Российской академии наук.

¹¹ Николай Иванович Витковский (1844–1892), участник Польского восстания 1863 г., был приговорен к каторжным работам в Сибири. Отработав на Карийских золотых приисках около 8 лет, переведен на поселение, жил в Балаганске, затем в Иркутске, состоял членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; служил консерватором Иркутского музея, проводил археологические раскопки в долине р. Ангары.

¹² Иннокентий Петрович Кузнецов (1851–1916), выходец из богатейшей семьи красноярских кушцов, занимался благотворительностью в сфере образования и культуры. Известен как крупный коллекционер памятников

археологии и истории, которые он безвозмездно передавал в музеи Петербурга, Томска, Минусинска; подготовил множество музеографических и археографических изданий.

¹³ Александр Петрович Степанов (1781–1837), из калужских дворян, участник итальянского похода Суворова, выйдя в отставку, получил назначение на пост губернатора Енисейской губернии, которой управлял в 1822–1831 гг. Подготовил и издал книгу «Енисейская губерния» (СПб., 1835), осветил в ней вопросы физической и экономической географии, управления и истории енисейского края. Использовал в своем труде этнографические и археологические материалы, часть которых собрал сам.

¹⁴ Археологическая коллекция Бойленга (Бойлинга) была приобретена томским купцом И.Г. Гадаловым и подарена Томскому университету в ознаменование первой годовщины со дня открытия.

¹⁵ Николай Алексеевич Костров (1823–1881), происходил из старинного, но захиревшего княжеского рода. Окончив Императорский Московский университет, поступил на государственную службу, занимал должность начальника Минусинского округа, служил секретарем Томского губернского статистического комитета. С молодости занимался сбором и публикацией материалов по этнографии, фольклору, географии, экономике, обычному праву, статистике, истории. В 1878 г. удостоен малой золотой медали Императорского Русского географического общества «за многолетние труды по изучению народного юридического быта».